pragmatic matrix, alternative conceptual scheme, German.

УДК 821.161.1

Д.С. Долгих
(Россия, Самара)

ГОРОД КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ПРОЗЕ СУХБАТА АФЛАТУНИ

Статья посвящена анализу города как культурного кода в прозе Сухбата Афлатуни. В качестве культурного кода рассматривается Ташкент. Анализируются ключевые механизмы художественной репрезентации культурной памяти города, особенности изображения многонационального пространства Ташкента, а также способы взаимодействия исторического, бытового и мифологического пластов повествования в прозе писателя. Особое внимание уделяется системе образов, мотивов и символов, формирующих уникальный код Ташкента. Делается вывод о том, что Ташкент в прозе Сухбата Афлатуни выступает не только местом действия, но и культурным палимпсестом, сохраняющим память о советском и постсоветском прошлом.

Ключевые слова: *Сухбат Афлатуни, ташкентский текст, культурный код, городской текст, постсоветская литература, культурная память, мифопоэтика.*

Сегодня русскоязычная проза все чаще стали интересуется местными культурными особенностями, а именно тем, как город хранит в себе историю и определяет нашу принадлежность к нации [Эпштейн 2005]. Поэтому так важно стало понятие «городского текста», о котором уже давно говорят наши литературоведы, применяя его к Санкт-Петербургу, Москве и другим знаковым местам [Лотман 1992; Топоров 2003; Хализев 2004]. В последние годы ученые все больше изучают такие «городские тексты» разных регионов и даже окраин, где особенно видно, как смешиваются разные культуры, языки и времена. «Ташкентский текст» – один из таких примеров, и мы видим его в произведениях Сухбата Афлатуни.

Сухбат Афлатуни – творческий псевдоним автора современной прозы Евгения Викторовича Абдуллаева, который переводится с арабского как «Диалоги Платона» или «Беседы с Платоном», – философа, литературоведа и эссеиста, чье творчество тесно связано с культурой Узбекистана [Абдуллаев 2019: 112]. В его рассказах и повестях «Глиняные буквы, плывущие яблоки» (2006), «Проснуться в Таш-

кенте» (2009) и романах «Ташкенский роман» (2006), «Поклонение волхвов» (2016), «Рай земной» (2019) Ташкент – это не просто город на карте, а целый отдельный мир, где живут вместе разные времена, языки и обычаи. Город здесь – это такое место, где хранится память о советских годах, восточных традициях и переменах после распада Советского Союза.

Под культурным кодом Ташкента мы понимаем совокупность тем, образов, мотивов и ассоциаций, которые постоянно встречаются при изображении города и с помощью которых автор нам его показывает. Этот код мы видим не только в том, о чем пишет автор, но и в том, как он строит сюжет, как течет время в его книгах и как говорят герои. Важно заметить, что у Сухбата Афлатуни Ташкент выглядит как город на границе разных миров. Там встречаются Восток с Западом, советское прошлое с настоящим, русская и узбекская культура. Эта многослойность – одна из главных черт «ташкентского текста». Автор не пытается сделать Восток каким-то загадочным: наоборот, он показывает обычную городскую жизнь через детали быта, разговоры, городские байки и воспоминания своих героев.

Одним из ключевых элементов культурного кода в прозе Сухбата Афлатуни становится память. Почти все его работы о Ташкенте будто восстанавливают мир, которого больше нет или который вот-вот исчезнет. Память в этих книгах не только личная, но и общая для всех. Воспоминания персонажей смешиваются с памятью самого города, который хранит в себе отголоски прошлых времен.

Большую роль в формировании ташкентского культурного кода играет тема исчезновения. Старые дворы, улицы, дома, советские кинотеатры и рынки потихоньку пропадают, а им на смену приходит новый город. Но именно эти уходящие детали городской жизни и хранят настоящую память. Автор все время обращает наше внимание на, казалось бы, обычные мелочи: запах свежего хлеба, журчание арыков, старые трамваи, уютные дворики с виноградными беседками. Все эти мелочи создают особую систему знаков для ташкентского мира.

Важной особенностью прозы Сухбата Афлатуни является мифологизация. Его реалистичные описания города смешиваются с легендами, снами или притчами. Из-за этого Ташкент становится как будто мифическим местом. Город здесь живет сразу в двух измерениях: и в настоящем, и в символическом. Так, у Афлатуни город похож на лабиринт. Герои все время ходят по улицам, дворам, закоулкам, словно хотят найти потерянную нить, связывающую их с прошлым. Ташкент постоянно меняется: он может хранить воспоминания, но в то же вре-

мя прятать их.

Языковая организация текста также играет значимую роль в формировании культурного кода. В книгах Сухбата Афлатуни речь героев часто смешанная: в русской речи встречаются узбекские слова, разговорные обороты, элементы городского фольклора, причем автор не пытается точно передать местный колорит, чтобы это выглядело экзотично; наоборот, такое смешение языков – это часть обычной городской жизни. То, что герои говорят на разных языках, не просто делает текст интереснее, но и показывает особое мировоззрение. Это отражает сложную культурную картину Ташкента, где уживаются люди с разными взглядами на то, кто они. Герои часто чувствуют себя как будто «между» мирами: они вроде бы часть нескольких культур, но при этом не могут полностью причислить себя ни к одной из них. В этом отношении образ старого ташкентского двора особенно показателен. Двор у Афлатуни – это место, где все живут вместе, это модель ушедшего мира. Здесь рядом живут люди разных национальностей, возрастов и слоев общества. Такой образ двора напоминает о ностальгии по повседневной жизни позднего СССР, когда люди много общались с соседями и чувствовали себя одной большой семьей. Важно подчеркнуть, что Сухбат Афлатуни не идеализирует прошлое полностью. Наоборот, вспоминая прошлое, он часто говорит о боли истории, о том, как рвались культурные связи, как исчезал привычный мир. Вот почему тема исчезновения становится такой значимой.

Одним из центральных образов ташкентского текста становится жара. Ташкентское лето у Афлатуни – это не только погода, но и важный культурный символ. Жара меняет ритм жизни города, то, как люди воспринимают время, и как ведут себя герои. В том, как автор описывает раскаленные улицы, медленный ход дня, вечернюю прохладу, видно особую поэзию южного города.

Категория времени вообще занимает значительное место в прозе писателя. В «ташкентском тексте» время не идет по прямой: прошлое все время врывается в настоящее, а сегодняшний день кажется временем потерь. Часто рассказ состоит из отрывков, из череды воспоминаний, ассоциаций и обычных жизненных зарисовок. Такое построение текста помогает показать, как вообще устроена культурная память.

Для прозы Афлатуни характерна особая визуальность. Автор детально описывает городские мелочи, так что складывается картинка почти как в кино. В его описаниях Ташкента очень важны свет, цвет и звуки. Пыльные улицы, желтый закатный свет, гул вентилятора, крики продавцов на рынке – все это вплетается в ткань повествования. Не менее значимым элементом культурного кода является гастрономи-

ческая символика. В произведениях Сухбата Афлатуни еда помогает сохранить культурную память и связывает людей друг с другом. Описание плова, лепешек, зеленого чая, торговых рядов на рынке – это не просто экзотика быта. Через эти «съедобные» образы автор показывает, как крепки традиции, как человек связан с домом и родными местами.

Ташкентский культурный код Сухбата Афлатуни нельзя рассматривать исключительно как региональную литературу. Образ Ташкента в его книгах служит примером всего постсоветского пространства. Через историю одного города автор размышляет о больших процессах: как исчезало советское самосознание, как менялась культурная память, как люди искали себя заново. В этом контексте особое значение приобретает тема эмиграции и внутреннего отчуждения. Многие герои Сухбата Афлатуни будто бы застряли «между» разными культурами [Афлатуни 2015]. Даже живя в Ташкенте, они чувствуют, что прежний мир ушел. Город меняется быстрее, чем люди успевают его запомнить, и вот это расхождение рождает внутри героев настоящие конфликты.

Ташкент в прозе Сухбата Афлатуни нередко изображается как пространство призрачное. Настоящие городские места там соседствуют с воспоминаниями, снами и фантомами из прошлого. Эта «призрачность» хорошо вписывается в общую идею исчезновения, которая так важна для «ташкентского текста». Город живет сразу и как реальное место, и как место, где хранится память. В произведениях писателя практически отсутствует героизация центра. Наоборот, он больше внимания уделяет окраинам, дворам, таким «переходным» местам. Именно эти окраины и становятся хранителями культурной памяти. Такой подход сближает книги Сухбата Афлатуни с идеей «малой истории», которая рассказывает об обыденной жизни и личных судьбах.

Значимую роль играет и мотив дороги. Герои все время ездят по городу, отправляются в путешествия, возвращаются туда, где прошло их детство. Но дорога у Сухбата Афлатуни редко означает движение только вперед. Чаще она связана с попыткой восстановить потерянную связь между временами. Путешествия в пространстве превращаются в своеобразный внутренний поиск.

С точки зрения жанра произведения Сухбата Афлатуни также отличаются многослойностью. В его книгах можно найти черты семейных историй, городского романа, эссе и притчи. Такое смешение жанров вполне естественно для культурного кода, который нельзя уложить в одну-единственную схему. Все это делает культурный код Ташкента

многослойным.

В прозе писателя много отсылок к другим текстам. Для Афлатуни Ташкент времен СССР – это место, где очень непросто было с культурной самоидентификацией. С одной стороны, советские годы казались временем, когда люди чувствовали себя частью чего-то общего, но с другой – это был период идеологического давления и попыток всех уравнять. Такая двойственность делает картину прошлого более полной и не такой односторонней. Следует отметить интертекстуальный характер прозы писателя. В ташкентском коде обнаруживаются отсылки к русской классике, восточной литературной традиции, советской культуре. Однако эти отсылки не образуют строгой системы цитирования. Скорее, они становятся частью общего культурного пространства, в котором существует герой. Тема советского прошлого также занимает особое место в прозе. Для Сухбата Афлатуни советский Ташкент – это пространство сложной культурной идентичности. С одной стороны, советская эпоха воспринимается как время относительной культурной общности, с другой – как период идеологического давления и унификации. Подобная двойственность делает изображение прошлого более объемным и неоднозначным. Важным элементом культурного кода становится и категория дома. Дом у Сухбата Афлатуни – это не столько просто здание, сколько чувство принадлежности к какой-то культуре, к определенному миру. Если человек теряет дом, он теряет связь с прошлым, и привычный мир рушится.

В ряде произведений писателя («Глиняные буквы, плывущие яблоки», «Ташкентский роман») можно заметить особое внимание к фигурам стариков. Именно они и хранят память города. Через их истории, воспоминания и повседневные привычки передается культурный опыт того времени, которого больше нет. А молодое поколение, наоборот, часто показано оторванным от городских традиций.

Таким образом, культурный код Ташкента в прозе Сухбата Афлатуни формируется на пересечении нескольких смысловых пластов: исторического, бытового, мифологического и языкового. Ташкент в произведениях писателя выступает не просто местом действия, а самостоятельным художественным миром, обладающим собственной памятью и системой символов. Проза Сухбата Афлатуни демонстрирует, что городской текст может становиться формой сохранения культурной памяти в условиях исторических изменений и распада привычных идентичностей. Через систему повседневных деталей, мотив исчезновения, языковую гибридность и мифологизацию пространства автор создает сложный и многослойный образ Ташкента, в котором соединяются личная память и история поколений.

Библиографический список

1. Абдуллаев Е.В. Сухбат Афлатуни: проза и культурная память постсоветского пространства // Вопросы литературы. 2019. № 5. С. 112–128.
2. Афлатуни Сухбат. Поклонение волхвов. М.: АСТ, 2015.
3. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 2. С. 9–21.
4. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПБ, 2003.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004.
6. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005.

D.S. Dolgikh
(Russia, Samara)

THE CITY AS A CULTURAL CODE IN THE PROSE OF SUKHBAT AFLATUNI

This article analyzes the city as a cultural code in the prose of Sukhbat Aflatuni. Tashkent is considered as this cultural code. Key mechanisms of artistic representation of the city's cultural memory, the specific depictions of Tashkent's multinational space, and the ways in which the historical, everyday, and mythological layers of narrative interact in the writer's prose are analyzed. Particular attention is paid to the system of images, motifs, and symbols that form Tashkent's unique code. It is concluded that Tashkent in Sukhbat Aflatuni's prose serves not only as a setting but also as a cultural palimpsest preserving the memory of the Soviet and post-Soviet past.

Keywords*: Sukhbat Aflatuni, Tashkent text, cultural code, urban text, post-Soviet literature, cultural memory, mythopoetics.*